

ТИНА ШЕХУ

орки и  
яблоки

ОРОЧЬЯ  
ПЕЧЕНЬКА

*ммм, горячая!*

18+

# Тина Шеху

## Орочья печенка

*<https://litres.ru/74616937>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

— Вы можете не шуметь?

Орк суёт мне что-то под нос. От удивления и смущения я теряю дар речи.

— Попробуешь? Крепкое, горячее, с начинкой на финише.

Я хотела тишины, он требовал попробовать его печенье. Теперь кто-то обязан уступить.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 1                                 | 4  |
| 2                                 | 8  |
| 3                                 | 14 |
| 4                                 | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 23 |

# Тина Шеху

## Орочья печенька

### 1

Тяжёлые шаги, потом удар, от которого дребезжит люстра, затем ругань на низком гортанном языке и снова шаги. И так по кругу. Бесконечно. Целый чёртов день. И вчерашний, и позавчерашний.

Я откладываю планшет, впиваясь пальцами в виски, и тупо смотрю в потолок. Бесконечный шум продолжается не первый день. И даже не первую неделю. Новый сосед сверху словно задался целью разрушить мою карьеру, оставить без вдохновения до конца жизни и довести до нервного срыва.

— Всё, — шиплю сквозь зубы и хватаю телефон.

Консьерж отвечает после третьего гудка.

— Тётъ Зин, ну сколько можно? — начинаю я без предисловий. — Сверху опять сосед грохочет так, что у меня штукатурка в кофе сыпется. Вы не можете с ним поговорить?

Тётя Зина работает в этом доме, наверное, с его постройки в... восьмидесятых?

Судя по её рассказам, она видела и потопаы в десять этажей, и вызовы ОМОН, и даже пожар из-за костра, на котором странные люди пытались подогреть угли для кальяна. Уж с

шумным дядькой она разберётся на два счета.

В трубке повисает молчание.

— Алло?

Может, связь кривая?

Но на том конце трубки, наконец, слышится шуршание и глотание.

— Яночка, — голос тёти Зины становится вкрадчивым и даже каким-то мечтательным. — Деточка, я тебе как женщине на женщине скажу. Ты бы сама к нему сходила. Посмотрела.

— Что посмотрела?

— Ну... — тётя Зина мнётся, но недолго. — Я его вчера в лифте встретила. Он, конечно, страшный, зелёный, клыки... но, доченька, такой мужчина! Сексапильный. Плечи такие, что в дверь не пройдёт. И глаза большие такие омуты. И вообще, я таких мужчин в своей жизни мало видела. Так что ругать я его не буду, хоть тресни. Иди сама разбирайся, может, и подружитесь.

Я открываю рот, закрываю, снова открываю. Тётя Зина, которой идёт восьмой десяток, только что назвала орка сексапильным. И отказалась выполнять свои прямые обязанности!

На секунду в воображении появляется образ крепкого зелёного мужчины, но почему-то он обнажен и широки у него не только плечи. Становится неловко, особенно представляя себя рядом с ним. Маленькую и хрупкую на фоне его форм.

Боже, о чём я только думаю?!

— Спасибо, тёть Зин, — выдавливаю из себя и отключаюсь.

И что делать? Он опять стучит! Так и придётся самой разбираться, раз помощников нет. Не справлюсь разве? Я ходила в категорийные горы, я пережила бывшего, который оказался женат. Я уж точно справлюсь с одним шумным соседом, даже если он зелёный, клыкастый и, по словам тёти Зины, «такой мужчина».

Накидываю халат поверх домашнего свитера, сую ноги в тапки и выхожу на лестничную клетку. Этажом выше подозрительно тихо. Видимо, монстр затаился. Поднимаюсь и останавливаюсь перед дверью с номером 47. Нужно задержать дыхание, но не слишком долго готовиться, чтобы не струсить.

Стучу трижды. Он должен услышать.

Но фиг там плавал. Не открывает, гад!

— Да что ж такое, — шиплю я, прижимаясь ухом к двери. Ни звука. Как будто там никого нет. Но только что же грохотало так, что люстра плясала!

Жду ещё минуту, чувствуя себя дурой, стучащейся к несуществующему соседу. Или алкашом, перепутавшим двери.

Потом разворачиваюсь и с чувством глубокого неудовлетворения плетусь обратно.

Однако едва я спускаюсь на свой этаж и берусь за ручку двери, как сверху снова раздаётся тяжёлый бум, а следом отборный орочий галдеж, полный ярости и безнадёги.

Затаился на минутку, значит, а теперь решил, что все ушли.

Что ж, война продолжится.

С этими мыслями я захожу в квартиру, закрываю дверь на замок. Война так война. Я не отступлюсь.

Оглядываюсь в поисках оружия на всякий случай, потому что, судя по рыку, этот тип явно не из тех, кто станет слушать мои претензии через дверную цепочку. Если, конечно, соизволит открыть.

Взгляд падает на мухобойку, затерявшуюся между обувных ложек. Старый, проверенный инструмент с длинной деревянной ручкой и широкой пластиковой лопаткой. Дедушка недавно притащил в качестве подарка. Я ещё думала выкинуть или на дачу отвезти, но совсем замоталась. Зато теперь эта ерундовина пригодилась.

Я хватаю её и уже чувствую себя уверенно. Почти.

Секунду спустя в дверь стучат. Даже не стучат, а бьются ногами так, что дверь жалобно скрипит и стонет.

Боже... что это за хрень?

— Открой, — гулкий, вибрирующий бас прошибает дверь насквозь и отдаётся страхом где-то в районе солнечного сплетения.

Голос незнакомца низкий, гортанный, вибрирующий, словно дикий медведь научился говорить. Орк. Кто ж ещё? Эти гады встречаются в городе редко, но дают прикурить всем в округе.

У меня мурашки бегут по позвоночнику, но я стискиваю мухобойку крепче, рывком распахиваю дверь. И застываю, разве что рот не открыв. Взгляд так и бежит по фигуре передо мной, переключаясь с одной части тела на другую.

На пороге стоит орк. Зелёный, огромный, как они все. В семейных трусах в красно-белую клетку, из-под которых торчат колени размером с мою голову.

Просто огромный мужик.

Его грудь, широкая, как дверной проём, покрыта выцветшей сеткой шрамов. Шея толстенная. Клыки выступают из-под верхней губы. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками смотрят на меня сверху вниз сурово и опасно, что я забываю всю свою прыть и пытаюсь притянуть к себе дверь обратно.

Но тут замечаю странность. Эм. Эм-эм-эм.

На орке фартук. Настоящий человеческий фартук для готовки, а не кожаная клеёнка мясника. Даже надпись какая-то есть: «Орки и яблоки». Но это не самое интересное! В руках орк держит противень с печеньем. Его голые ладони впива-

ются в ещё огненный чугун и сжимают едва не до треска.

— Ты стучала, — произносит сосед таким голосом, будто я похитила его корову. — Я не успел открыть.

Я молчу, потому что мой мозг отказывается обрабатывать увиденное. Грозный орк-сосед. В фартуке. С печеньем.

Кринж.

— Печенье, — он поднимает противень выше, и я машинально отступаю на шаг, вскидывая мухобойку. Орк переводит взгляд на мое оружие и то ли кривится, то ли смеётся. Поди разбери. — Это защита?

— Ага, — выдавливаю я как-то позорно пискляво. — От орков с печеньем.

Он молчит секунду, потом кивает, признавая мою правоту и мощь.

— Подожди, пока остынет, — рывкает орк тоном, не терпящим возражений, и протягивает противень мне. Прямо тыча в мухобойку.

Пластик тут же дымится и... воняет! Но орк продолжает тыкать огненной посудиною в меня, будто и не замечая всей опасности! И полной абсурдности!

— Слушайте, — говорю я, стараясь, чтобы голос уже звучал твёрже. — Мне не нужно печенье. Мне нужно, чтобы вы перестали грохотать. Я работаю из дома, у меня дедлайны, у меня клиенты, а вы тут...

— Печенье остынет, — перебивает громадина. — Заходи.

— Нет, я не пойду к вам. Я просто хочу...

— Это я к тебе зашёл, — спокойно замечает он.

И только сейчас я понимаю, что он уже перешагнул порог! Огромный, зелёный орчина в фартуке и с печеньем стоит в моей прихожей!

Мухобойка теперь кажется водяным пистолетиком против реального автомата.

— Выйдите, — говорю я. — Мы поговорим завтра. Через дверь. И с председателем.

Сосед не двигается. Смотрит на меня сверху вниз так, что все органы внутри меня скручиваются.

— Я хочу, чтобы ты попробовала печенье.

— Я не буду пробовать. Выйдите.

Он делает шаг вперёд. Я отступаю в коридор, пятясь к кухне. Мухобойка ходит ходуном в моей руке. Надо срочно найти управу на орка посерьёзнее!

Слышу щелчок замка, донёсшийся из прихожки. Сердце ухает в пятки. Это конец.

— Зачем вы закрыли дверь? — голос срывается.

Противень приземляется на стол, раскаляя несчастную круглую салфетку, которую я купила за пятьсот рублей! Ну хоть не стол!

Просто шок! Меня аж трясёт!

— Ты убежишь, — говорит он так просто.

— Ещё бы! Вы врываетесь в квартиру, запираете дверь, выглядите как... как...

Я замолкаю, потому что он стягивает фартук с шеи, позво-

для ему зависнуть только на бёдрах. Огромные плечи, огромная грудь и тренированный живот теперь выставлены на всеобщее обозрение.

Мне кажется, что я застываю настолько долго, что успеваю пересчитать все шрамы и разгадать значение каждой татуировки. Но нет. В реале проходит секунда, которую я трачу только на разглядывание чужого тела!

— Я не трону тебя. Но ты должна остаться.

— Звучит, как угроза. Вы в моём доме, мужчина!

Орк вздыхает. Вздыхает так, что люстра снова начинает покачиваться, и я вместе с ней.

— Я испёк печенье для тебя. В знак мира. А ты стучалась, я не услышал. Потом я спустился, чтобы принести. Ты открыла дверь с оружием, — его голос не меняется. Всё такой же степенный и медленный, хоть и громкий. Орк будто со скукой рассуждает о своём обычном дне. — Я не опасен. Сейчас.

— Сейчас? — переспрашиваю я, всё ещё держа мухобойку наизготовку.

— Сейчас я хочу, чтобы ты попробовала печенье и перестала кричать, — он делает шаг ко мне, а я уже чувствую лопатками холод стены. Всё-таки надо было клеить обои, а не красить. — Потом я уйду. И буду шуметь меньше.

Он останавливается в двух шагах от меня, давя своей массой, своими объёмами, своей недюжинной силищей.

Мне страшно. Он же... свернёт мне шею двумя пальцами,

а я даже не успею обхватить его руку, чтобы убраться.

— Пожалуйста, — вдруг добавляет орк.

Это «пожалуйста» из уст двухметрового зеленокожего монстра в трусах звучит так нелепо, что я не выдерживаю и опускаю мухобойку на стол.

Не понимаю, что происходит, но нутром чую, что я должна подчиниться и уступить. Как говорила мама, нужно быть мудрее с мужчинами, чтобы получать от них желаемое. А я желаю, чтобы орк меня не грохнул ненароком! И чтобы дал мне спокойно жить. Если ради этого мне нужно стерпеть одно невкусное печенье, то я согласна.

Главное не спрашивать, из чего оно слеplено. Да. И не смей думать о дерьме и крысиных хвостах!

— Ладно, — говорю я. — Одно печенье и ты уходишь.

— Ухожу, — массивный квадратный подбородок орка едва ли не ударяется о грудь.

Хочу спросить про шрамы и тату, но... нет, нет стоит. И смотреть на голую грудь не следует даже, если серые соски едва не выкалывают мне глаза.

Разве законно быть таким высоким?

Я делаю шаг к противню, стараясь не задеть плечом орка. Но гадливый халат умудряется слететь с плеча и рукавом погладить зелёный пресс.

— Сорри, — буркаю под нос, ловя дурацкий махор.

Сейчас подумает, что я его соблазняю, а я точно-точно не собираюсь с ним близко знакомиться! И нифига он не сек-

сапильный! Вернее, он довольно сексуальный в своей первозданной дикости и вполне похож на оборотня, которого я недавно рисовала для эротической комишки, но... печенье!

Круглая выпечка смотрит на меня шоколадными глазами-каплями. Я беру его, стараясь не дышать и не чувствовать возможный аромат жареной крысы, так ловко замаскированный под корицу и какао.

Так, оно ещё тёплое, мягкое, рассыпчатое. Приятное. Наощупь напоминает дедушкино.

Губы только соприкасаются с выпечкой, как я понимаю, что это, чёрт возьми, самое вкусное печенье в моей жизни.

Печенье тает во рту. Мягкое, тёплое, с хрустящей корочкой и ванильным сердцем. Я закрываю глаза от удовольствия, ну как тут устоишь? А когда открываю, тут же опускаю голову, потому что орк смотрит на меня в упор. Успеваю лишь заметить блеск хищных жёлтых глаз.

— Вкусно? — спрашивает.

Понял, да? По мне явно всё сразу понятно, ведь я на секунду забылась и позволила себе открыться перед незнакомым орком.

А ещё поняла, что сегодня не ела ничего, кроме кофе. Много кофе, из-за которого желудок уже забыл, что такое пища и даже перестал ныть.

— Нормально, — нагло преуменьшаю и уже тянусь за второй печенькой.

Ну неужели орк сумел так приготовить?! Они кроме жареного мяса способны на что-то продвинутое? Удивительно.

Орк скрещивает руки на груди. Мышцы перекачиваются под зеленой кожей. От них веет жаром даже на расстоянии.

— Это самое горячее печенье в моей жизни, — я продолжаю что-то пороть, но проглатываю слова, пока жую.

— Оно всегда горячее. Я пеку его большим, крепким, чтобы держало форму. Но внутри жидкое и мягкое.

Проглатываю всё до последней крошки.

Большим, крепким, чтобы держало форму, а внутри жидкое и мягкое.

Почему-то в голове мгновенно возникает картинка совершенно неуместная, абсолютно неприличная. Я представляю орочий член. Огромный, зелёный, твёрдый... И в этот же миг понимаю, что кожа горит так, будто щёки окунули в кипяток.

— Ты покраснела, — замечает пекарь.

Мне вот его вставки нафиг не сдались сейчас!

— Жарко, — выдыхаю я, полностью отворачиваясь, чтобы не углядел ничего. — У вас печка ещё, наверное, работает.

— Я не включал печку. Это я горячий.

Я слышу, как он подходит. Один шаг, второй. Жар становится ощутимым, орк действительно излучает тепло, как огромная зелёная батарея с мышцами. Я чувствую его кожей, даже не прикасаясь.

Волосы на затылке шевелятся. Мурашки бегут по рукам, по спине, спускаются ниже к пояснице.

Да что же это такое...

Единственное, о чём остаётся мечтать, чтобы он ушёл! Оставил меня одну!

Но орк останавливается за моей спиной едва ли не вплотную. Я вижу его тень на стене, она закрывает меня целиком. Он выше на голову, а его плечи в два раза шире моих. Если орк вздумает обнять меня, то я утону в нём целиком и без

остатка.

— Девочка, — рычит уже у меня над ухом. — Почему ты дрожишь? Печенье не кусает.

— Я не дрожу. Просто... вы стоите слишком близко.

Да что же он делает?! И почему я продолжаю стоять, как вкопанная, а не зову на помощь? Понимаю, что... не спасусь, если он захочет что-то сделать?

— Ты сама не отошла.

Он прав. Я стою, вжимаясь в подоконник. Если орк делает ещё хоть крохотный шаг, то это обернётся крахом. Он коснётся меня, раздавит, проглотит, а я даже отпор не дам.

Чтобы разрядить начавшую душить обстановку, я выпаливаю первое, что приходит в голову.

— А у вас, орков, там... ну... всё как у людей?

Тот молчит целую вечность, и я уже жалею, что додумалась спросить.

— В смысле? — переспрашивает, а мне хочется провалиться под землю.

— Ну... анатомически внизу, — смотрю в пол. Наверное, это последнее, что я увижу в своей жизни. Дурёха. — Просто интересно. В книгах по-разному пишут.

— Ты читаешь книги про орков?

— Я иллюстратор! — выкрикиваю слишком громко, чем следовало. Да и вообще не следовало бы продолжать эту тему. — Мне для работы нужно!

От хриплого звука я проваливаюсь в бездну. Он рычит.

Сейчас убьёт!

Но рык вдруг перерастает во что-то знакомое. В смех? Зелёный мутант ржёт надо мной?

— У нас всё как у людей. — Только большее. Сильно большее.

— Ох.

Взгляд невольно поднимается к фартуку, где сокрыто это большее. И вправду...

В моей голове снова вспыхивает та самая картинка его органа, только теперь она намного отчётливее и намного больше.

Как я вообще додумалась спросить? Хватаю себя за плечи, но тут же одергиваюсь. Нужно что-то делать! Срочно!

— Мне пора, — выпаливаю, отталкиваясь от стены и ныряя под его руку, пока он не успел сомкнуть клешни и прибить меня. Протискиваюсь боком, хотя между ним и подоконником едва хватает места для манёвра. Я чувствую его кожу плечом, и это всё равно что прислониться к раскалённой плите. Так же прошибает от неожиданности.

Я вылетаю в прихожую, хватая несчастную мухобойку, и открываю дверь, чтобы встать в проёме и указать нежеланному гостю на выход.

— Печенье забирайте.

— Оставлю тебе.

— Я сыта.

Он не спорит. Берёт противень, перешагивает порог, а в

дверях снова замирает, глядя на меня сверху вниз.

— Девочка, — протягивает орк низко. — Ты красивая, когда краснеешь. И когда не краснеешь тоже.

И уходит, тяжело топая по лестнице вверх. Каждый его тяжёлый шаг отдаётся ударом моего сердца до тех пор, пока сосед не хлопает дверью. И только тогда я закрываюсь и съезжаю спиной по стене.

Сердце колотится в горле, внутри всё горит пожаром и не затухает. Я зажимаю лицо ладонями и чувствую реально шпарящую температуру.

— Что это было?

Пустота квартиры не даёт ответа. Зато... отвечает запах. Здесь теперь пахнет ванилью и шоколадом. И чем-то ещё диким, звериным, от чего кружится голова.

На комодѣ остались две печеньки, любезно и незаметно подложенные орком. Такие вкусные и манящие, что мне нечего им противопоставить. Приходится есть, ощущая мягкую тёплую влагу внутри и закатывать глаза к потолку. А ведь он снова ходит ходуном. Зверь вернулся в свою берлогу и продолжает досажать мне, даже не осознавая этого.

И что мне остаётся делать? Как пережить случившегося и приступить к работе? Клиенты уже копытом бьют, наверное.

Со стоном поднимаюсь с пола и нахожу телефон. Так, и кто там настроил что писем? Тётя Зина?

«Яночка, на тебя соседи снизу ругаются. Говорят, ты с орком из 47 мебель двигаешь. Я их утихомирила, конечно, но

теперь жду подробностей!»

Пальцы немеют. Какая мебель? Какие подробности? Они с ума сошли там все?

— Да сколько можно, блин?! — уже отпихиваю от себя раздражающий планшет и ударяю кулаком о стол.

Топот, топот, бесконечный топот. Да чтоб у тебя ноги отсохли!

Швыряю стилус в батарею, да промахиваюсь. Маленькая ручка отскакивает от стены и возвращается на стол с точностью бумеранга, ложась у светящегося экрана. Рисунок приковывает к себе внимание.

Зелёный орк дрожащей линией рук гладит белокурую пленницу по плечам. Девушка же замерла у его ног напуганная, но готовая бороться.

Забавно, что заказ на обложку для повести «Хозяин орочьей тюрьмы. Его пленница» поступил ко мне именно сейчас, стоило познакомиться с клыкастым соседом. Надеюсь, в своей работе автор поставила зеленокожего на место! Не будем мы им подчиняться!

И словно подслушав воинственные мысли, орк сверху примолк. Больше не топает, не двигает мебель, не катает металлические шары, а молчит.

Эта передышка дорогого стоит и даже помогает мне закончить первый набросок заказа. Орк уже получается офигенный! Осталось добавить властность во взгляд и раскра-

силь в тон атмосферы.

Едва ли удаётся похвалить себя за первый этап работы, как в дверь стучатся. Дико и громко, будто ногами бьют по барабанам.

Сердце подпрыгивает к горлу.

Орк? С моего изображения? Или... чёртов сосед опять за-  
вился? Не может себе простить, что не помешал мне рабо-  
тать?

Хочется замереть и затихнуть, притвориться, что меня нет, но я всё равно преодолеваю себя и поднимаюсь на ноги. Что ему надо? Мечтает, чтобы соседи продолжили пускать сплетни?

За дверью никого не оказывается, я даже перевешиваюсь грудью в коридор, удерживаясь за косяк. Никого. Только у порога что-то сверкает. Коробка, обклеенная шиммерной бумагой цвета индиго. И что там?

Говорила мама не трогать всякие предметы на полу, но кто же её будет слушать? Точно не я, схватившая неопознанный объект и потащившая добычу в дом.

Что это? Тяжёленькое.

К крышке коробки прилипла бумажка из твердой бумаги с рисунком, которая сразу же привлекает внимание. На открытке изображены коровы. Летающие коровы с крыльями, как у летучих мышей. Они парят над зелёным лугом, а внизу пастух в кепке машет им рукой.

— Что это? — шепчу себе под нос.

Переворачиваю дрожащей рукой открытку. На обороте корявые буквы, явно выведенные огромной рукой, которая не привыкла к шариковой ручке и вообще письму.

И что это за иероглифы? Китайский? Иврит? Провожу пальцами по кривым значкам, будто тексту для слепых. Но взгляд цепляется за русские слова. Ломанные и едва различимые.

«Яна, это мир дому. Борк».

Я перечитываю раза три, так и не присев. Мир дому с летающими коровами.

У них, у орков, что, с чувством юмора всё в порядке? Или это тест на вменяемость? Где пендосские психиатры с рисунком бабочки?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.